

Елена Киселёва

ОБРАЗНО-ПОЭТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РОДИННО-КРЕСТИННЫХ ОБЯДОВЫХ ПЕСЕН В ТРАДИЦИЯХ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Elena Kiseleva

FIGURATIVE AND POETIC STRUCTURE OF BIRTH-CHRISTENING RITUAL SONGS IN THE TRADITIONS OF RUSSIAN-BELARUSIAN BORDERLAND

Статья представляет опыт систематизации поэтических тестов родинно-крестинных обрядовых песен из экспедиционных коллекций Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

Статья представляет опыт систематизации поэтических тестов родинно-крестинных обрядовых песен из экспедиционных коллекций Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

Песенное слово, синкретически связанное с обрядовым действием, несёт в себе важную символическую нагрузку, обусловленную мифологическими представлениями об устройстве мира, выражает коллективные эмоции и наделено особой силой магического воздействия [3, с. 89].

В данной статье рассматриваются поэтические тексты родинно-крестинных обрядовых песен, записанные в ходе комплексного планомерного фронтального изучения западнорусских традиций. Основной источниковой базой исследования послужили экспедиционные коллекции Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. Это полевые записи экспедиции Ленинградской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова в Себежский район Псковской области (1986 год, руководитель – А. М. Мехнецов) [4, с. 548–553] и совместных экспедиций Фольклорно-этнографического центра и Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова в Руднянский (1998 год, руководитель – А. М. Мехнецов) и Краснинский районы Смоленской области (2006 год, руководитель – И. С. Попова). В 2009 году автором статьи была организована специализированная совместная экспедиция российских и белорусских этномузкологов на территорию русско-белорусского пограничья в Руднянский район Смоленской области и Лиозненский район Витебской области¹.

Изучение песенных текстов позволяет установить общие закономерности организации родинно-крестинного цикла на уровне образно-поэтического содержания. При анализе применяется способ группировки поэтических текстов с выделением ведущих сюжетообразующих мотивов. За категорией *мотив* в фольклористике закрепилось два основных взаимосвязанных значения: «во-первых, схемы, формулы, единицы сюжета в виде некоего элементарного обобщения и, во-вторых, самой этой единицы в виде конкретного текстового воплощения» [5, с. 172].

Поэтические тексты родинно-крестинных обрядовых песен содержат мотивы различных групп. Мотивы *первой группы* раскрывают представления о непосредственном участии божественных сил в жизни людей, где первые оказывают благодетельство, а вторые выступают в качестве просителей. Тем самым, выявляется вертикаль отношений между двумя мирами – миром божественного и человеческого. Ряд поэтических мотивов связан с представлениями о *наделинии родившегося младенца долей*. В развитии этих мотивов прослеживаются функции благопожелания и магического заклинания, намечается последовательность важнейших вех жизненного пути человека: рождение → крещение → венчание.

Бог несёт долю: «А Божя мой, што в поли зыгримела? // Божинька идеть, ён долю несеть нашему дитяти [6]». Человек просит у Бога долю: «Каб яму Бог долечку дал, // А расти ты, дитятка, хорош. // Гасподь Бог, ныдали ж ты яво. // Каб яно а счастливо а було, // Каб яно и здарова було [7]»; «Дай, Божя, етаму дитяти три доли счастливеньких: // Первую, да радимью, другую Христовую, третью венчальную [8]»; «Ай, дай, Божя, нашему дитяти // Хресьбинки сгуляти и свадебку даждати [9].»

Другой ряд мотивов данной группы связан с представлениями о *покровительстве божественных сил*: баба-повитуха получает благословение Господа Бога *перебабить* новорожденного, Мать Пречистая качает дитя в колыбели.

Бог благословляет повитуху: «Кыла речки (й)шла наша бабычка, // Стрела ина сымаво Бога. // – Куда ты (й)дешь, моя бабычка? // – Дитя бабить, мой Божичка. // – С чем жэ ты (й)дешь, моя бабычка? // – С пелёнычкый, мой Божичка. // – Эта нада, моя бабычка! [10].»

Богородица качает колыбель: «А в няделеньку пыранёшенька, // Висить люлечка зылатёшенька, // А у тэй люлечки Мать Прячистая, // А (й)на люлечку пыкальхыеть [11].»

В данных поэтических мотивах древнее заклинательное начало сопрягается с христианской системой поэтических образов.

Поэтические мотивы *второй группы* в обобщенной художественно-символической форме отражают нормы поведения основных чинов (бабы-повитухи, крёстных, родителей новорожденного, гостей) в аспекте регулирования хода обряда. Часть мотивов *комментирует ранее состоявшиеся обрядовые действия*, воссоздавая целостную картину ритуальных событий, по традиции, совершавшихся тайно.

Отец приглашает повитуху: «А там Мишечка, там Игнатъевич за бабкэй идеть. // – А, приди, бабка, перебаб дитя, // А маё дитя спыраждёня, // А табе, баба, всё(й) суждённы [12].»

Крёстные собираются крестить дитя: «Ай, кума с кумын(ы) с-пуд Криста едуть, // А яны едуть, разгваривать: // – Не дивы, кумок, што(й) ня бел платок(ы), // – Не дивы, кума, ни салодык(ы) мёд. // – Ай, ня бел платок(ы), мы белить будим, // – Ни салодык(ы) мёд(ы), сыладить будим, // – Некрацёна дитя, мы крястить будим [13].»; «Пара нашему

¹ Совместно с автором работали А.А. Мехнецов (сотрудник Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова) и И. С. Котвицкая (выпускница аспирантуры Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Республики Беларусь, 1998-2002). Материал экспедиции хранится в Архиве Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

дитятыньку в церкву атпроўляти. // Пара нашему дитятыньку имя накльдаати. // Пувязём у церкву свяцёную, // Ёвядём ў веру хрыцёную [12].»

Другая часть мотивов связана с обозначением обрядовых этапов крестинного столования. Их особенностью является использование глаголов в повелительном наклонении (*пыдаритя, зыпрятитя, связитя, ганитя* и др.). Песни, включающие подобные поэтические мотивы, выполняют церемониальную функцию и оформляют узловые точки обряда.

Начало обрядовой трапезы: «Кали кума нет, дык и шума нет. // Кали кум(ы) на д(ы)вор, дык и шум(ы) за стол. // Их(ы)леб-сол(и) на стол и гарелычка. // Ёсё(й) ня простыя, ёсё(й) салодкыя [14].»

Наделение дарами: «А туперя ўсе кумы, // Вы на мыла падаритя малышу [7].»

Обряд катания на бороне: «Зыпрятитя вы двенадцать валоў, // А связитя кума с куту далой! // Валы ня йдуць, упіраюцца, // А кум с кута не рухаецца, // Далё на кут пыдвигаетца, // Чарку вина дыжидаетца [15].»

Окончание обрядовой трапезы: «Вы бяритя пруюк, вы ганитя далой [16]»; «Ай, пара, пара, кумы(ы) ды д(ы)вара [17].»

Отметим также мотивы *ритуального питья*, широко представленные в песнях родинно-крестинного цикла. Сложившиеся в народе пословицы свидетельствуют, что питье является обязательным атрибутом праздника: «без вина не праздник»; «кто празднику рад, тот до свету пьян»; «пиво в ходовике, так и праздник на дворе» и др. [1, с. 381]. Данные мотивы объединяются с величаниями и хулениями, усиливая их значение. В приводимом ниже примере величание чинов соединено с мотивом подношения хмельного напитка.

Величание чарочкой повитухи / крестных: «Чарачка мидавая по сталу пахадила, // Ёсёх гасцей наўпаила, спатеньки палажила. // Бабаньку не ўпаила, спатеньки не ўлажила. // Куманьку не ўпаила, спатеньки не ўлажила. // Кумочка не ўпаила, спатеньки не ўлажила [18].»

Определяющие компоненты поэтики этой группы мотивов приобретают значение формул. К ним относятся: наименования напитков, выполняющих ритуальную функцию, а также описания, характеризующие поведенческую норму человека на праздничном пиру.

Пить – не спиваться: «Чарачка мидавая по сталу пахадила [18]»; «Я кумой была, мёд-вино пила [19]»; «Я кумой была пиво-мёд пила [20]»; «Я(й) пила-пила, ни съивалыся. // Я(й) на полю (й)жила, ни шталыся. // Кы д(ы)вару пришла, пышитыся. // Зы вярешку ухватилыся, // – Веря мяя, всё(й) вярешка // Сыдзяржи мяя, куму п(ы)яныю, шел(и)му хмел(и)ную [19]»; «Я ня пить к вам пришла, я ня ест к вам пришла, // Пагулять к вам пришла. // Ах, вы, кумушки, вы галубушки, сапали мяя. // А пад вишен(ы)кый, пад зялёную, спат палажили мяя [21].»

К поэтическим мотивам *третьей группы* относятся величания и хуления, которые рассматриваются как равнозначные между собой в функциональном отношении. Они связаны общей идеей – утверждением социального статуса родителей новорожденного, бабы-повитухи и кумовей. В поэтических текстах обязательным оказывается обращение к каждому участнику обряда по имени или обозначение их ритуального чина.

В ряде случаев конкретный поэтический мотив координируется с определённым чином – в качестве такового может выступать как один человек, так и пара (родители новорожденного, его крестные). Приведем примеры мотивов, строго закрепленных за определенными участниками обряда.

Величание крестных: «А, кум кумке родной брат, павёл кумку в зялён сад. // – Шчапай, кумка, ягодки, каторыи салодки [22].»

Величание отца: «А ў каго винаград на дваре? // У Ванечки винаград на дваре. // Сыбраў пир ни людям, сам сабе [23]»; «Да спасибо ковалю, да што сделал нам гульню. // Молоточком не стукал, и в рученьки не хукал, // И тяпельца не палил, и семейку не будил [24].»

Хуление отца: «А Валодичка, а Васильевич, ни вяликий ты пан [25].»

Величание родителей: «Да зашумела в бору сосонка, // Да заболела у Манечки головка. // Да вы сходите, да приведите Иванечку с току, // Да пусть достанет, да пусть добудет вишневого соку [26]»; «Через реченьку, через быструю гибка кладынька ляжить. // Па тэй кладыньке, па тясовенький, а усё Ваничка идет. // Ён душу сваю, а всё Галечку, всё за рученьку вядет. // – А ты, кладынька, ты тясовыя, ты ня гнися пада мной. // Ты душа мяя, а ты Галечка, ты не старь ты за мной. // – Рыдя детачик, рыдя дробеньких сыстарисся смыльда [27].»

Последний из приведенных выше поэтических мотивов (перевод через реку) встречается и в поэтических текстах песен других жанров – прежде всего, в свадебных и хороводных, однако его развитие характерно исключительно для величания родителей новорожденного на крестинах.

В некоторых случаях один и тот же поэтический мотив может быть адресован нескольким различным ритуальным чинам. Например, использование одного и того же мотива в одном поэтическом тексте связывает кровных и крестных родителей, с одной стороны, бабу-повитуху и крестных, с другой. Представляется, что данное обстоятельство предопределено функциональностью соответствующих чинов: крестные становятся восприимчивыми новокрещённого и перенимают часть ритуальных полномочий от повитухи в процессе развития обрядовой системы. Приведем некоторые примеры

Величание родителей / крестных: «– Ты скажи, дитя, чем тваю мамку завуть, ай, чем родную? // – Завуть мамыньку всё и Людычка Александрывна. – Ты скажи, дитя, чем твайго папку завуть, ай, чем родныга? // – Завуть папыньку, завуть родныга, Игарёчек Александрывич [28].»

Величание крестных: «Сядить кума на куте, как(ы) галубка у гнязде. // Сядить кум на куте, а как голуб у гнязде [16].»

Хуление повитухи / крестных: «Я б эту бабу и за бабу не браў, // Ина гарелку ня пьет, ина (й)нам ни дает. // Я б эту куму и за куму не браў, // Ина гарелку ня пьет, ина (й)нам ни дает. // Я б этага кума и за кума не браў, // Ён гарелку ня пьет, и ён нам ни дает [29].»

Кроме того, одни и те же поэтические тексты могут неоднократно актуализироваться в ходе ритуала, будучи адресованы различным его участникам: дважды (сначала родителям и крестным) или даже трижды (повитухе, а затем каждому из крестных). «А тперя яшио нада и батьку, и матку хрестным, ета нада дужа доўга!»²

² См. Приложение 2. № 6.

В заключении отметим, что наличие заклинательной, комментирующей и церемониальной функций в поэтических мотивах родинно-крестинных обрядовых песен связывает их с «простейшими» песнями свадебного ритуала [2] и календарно-обрядовым фольклором. Мотивы величания и хуления, также широко представленные в свадебном и календарном фольклоре, в контексте родинно-крестинной обрядности занимают особое место, составляя доминанту поэтической системы. Данные мотивы могут выступать в роли сюжетообразующих и вспомогательных, соединяясь с поэтическими мотивами рассмотренных выше групп.

Включение приуроченных плясовых, лирических и балладных песен в родинно-крестинный ритуал осуществляется на основе общности тематики семейно-родственных отношений и образно-поэтических приемов, свойственных величаниям. Это обстоятельство создает предпосылки для формирования родинно-крестинного песенного цикла, сохранность которого на данной территории позволяет судить об исторической глубине сформировавшихся здесь культурных традиций и общеславянском единстве.

Список литературы:

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2003. – Т. 3. – 696 с.
2. Колесницкая, И. М. Простейшие типы русских народных свадебных песен / И. М. Колесницкая // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / ред. К. В. Чистов ; Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – Л., 1978. – С. 106–121.
3. Мелетинский, Е. Н. Поэтическое слово в архаике / Е. Н. Мелетинский // Историко-этнографические исследования по фольклору : сб. статей памяти С. А. Токарева. – М. : Вост. лит. РАН, 1994. – С. 86–110.
4. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра : в 2 т. ; авт. проекта, сост., науч. ред. А. М. Мехнецов [и др.]. – СПб. : Псков, 2002. – Т. 2. – 813 с.
5. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура. In memorem / сост. Е. О. Путилова ; отв. ред. А. Н. Анфертьев ; авт. введ. Е. А. Костюхин / РАН МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. – 464 с.
6. Архив Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова (далее – Архив ФЭЦ СПбГК). Основной аудио фонд (далее – ОАФ) № 5127-06. Смоленская обл., Руднянский р-н, Кругловская с/а, д. Могильно. Исп.: Шаршакова Ксения Игнатьевна, 1914 г. р. Зап.: Балакшина С. Р., Подрезова С. В., Лескай Д. А. 10.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
7. Архив ФЭЦ СПбГК. Основной цифровой фонд (далее – ОЦФ) № 005/258-029-04. Витебская обл., Лиозненский р-н, Крынковский с/с, д. Шведы. Исп.: Ерманенко Вера Петровна, 1915 г. р. Зап.: Киселёва Е. В., Мехнецов А. А. 18.10.2009. Расш.: Киселёва Е. В.
8. Архив ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 005/258-047-11. Витебская обл., Лиозненский р-н, Добромысленский с/с, д. Выходцы. Исп.: Ивашнева Мария Васильевна, 1933 г. р., Логвенкова Галина Степановна, 1943 г. р., Морозова Нина Петровна, 1938 г. р., Гусакова Юлия Павловна, 1951 г. р. Зап.: Киселёва Е. В., Мехнецов А. А. 20.10.2009. Расш.: Киселёва Е. В.
9. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 5077-22. Смоленская обл., Руднянский р-н, Привольская с/а, д. Игнатовка. Исп.: Воднева Анна Емельяновна, 1920 г. р. Зап.: Валевская Е. А., Пархомова Е. А., Соболев А. М. 13.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
10. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 5128-18. Смоленская обл., Руднянский р-н, Любавичская с/а, д. Дрягили. Исп.: Меркуленкова Лукерья Ивановна, 1917 г. р. Зап.: Балакшина С. Р., Подрезова С. В., Лескай Д. А. 11.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
11. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 5131-29. Смоленская обл., Руднянский р-н, Чистиковская с/а, д. Заготино. Исп.: Борисенкова Галина Григорьевна, 1932 г. р., Киндеева Мария Кирилловна, 1931 г. р., Козлова Зоя Петровна, 1931 г. р., Кухтикова Юлия Андреевна, 1930 г. р. Зап.: Балакшина С. Р., Подрезова С. В., Лескай Д. А. 15.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
12. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 5125-37. Смоленская обл., Руднянский р-н, Кругловская с/а, д. Могильно. Исп.: Локтеева Мария Васильевна, 1938 г. р. Зап.: Балакшина С. Р., Подрезова С. В., Лескай Д. А. 10.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
13. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 5123-16. Смоленская обл., Руднянский р-н, Любавичская с/а, д. Шилово. Исп.: Саница Матрёна Сидоровна, 1915 г. р. Зап.: Балакшина С. Р., Подрезова С. В., Лескай Д. А. 07.07.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
14. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 5103-08. Смоленская обл., Руднянский р-н, Первомайская с/а, д. Заборье. Исп.: Захаренкова Екатерина Степановна, 1918 г. р. Зап.: Полякова А. В., Махова Л. П. 08.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
15. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 5092-15. Смоленская обл., Руднянский р-н, Любавичская с/а, д. Махначи. Исп.: Шайторова Мария Артёмовна, 1914 г. р., Шайторова Мария Егоровна, 1930 г. р. Зап.: Мехнецова К. А., Мальцева О. В. 11.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
16. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 5154-34. Смоленская обл., Руднянский р-н, Первомайская с/а, д. Кудрицы. Исп.: Российцева Мария Константиновна, 1920 г. р. Зап.: Мехнецова К. А., Мальцева О. В., Кузьмина Л. С. 08.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
17. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 5076-15. Смоленская обл., Руднянский р-н, Кругловская с/а, д. Тур. Исп.: Щербакова Татьяна Савельевна, 1915 г. р., Бондакова Надежда Константиновна, 1933 г. р. Зап.: Валевская Е. А., Пархомова Е. А., Соболев А. М. 10.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
18. Архив ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 005/258-047-09. Витебская обл., Лиозненский р-н, Добромысленский с/с, д. Выходцы. Исп.: Ивашнева Мария Васильевна, 1933 г. р., Логвенкова Галина Степановна, 1943 г. р., Морозова Нина Петровна, 1938 г. р., Гусакова Юлия Павловна, 1951 г. р. Зап.: Киселёва Е. В., Мехнецов А. А. 20.10.2009. Расш.: Киселёва Е. В.
19. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 5103-08. Смоленская обл., Руднянский р-н, Первомайская с/а, д. Заборье. Исп.: Захаренкова Екатерина Степановна, 1918 г. р. Зап.: Полякова А. В., Махова Л. П. 08.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.

20. Архив ФЭЦ СПБГК. ОАФ № 4941-31. Смоленская обл., Руднянский р-н, Кляриновская с/а, д. Кляриново. Исп.: Зайцева Вера Ильинична, 1928 г. р., Михалченкова Мария Парфёновна, 1926 г. р., Панкратова Мария Стефановна, 1932 г. р., Швелёва Мария Захаровна, 1922 г. р. Зап.: Балакшина С. Р., Кулёв А. В., Мальцева О. В. 25.07.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
21. Архив ФЭЦ СПБГК. ОАФ № 5121-04. Смоленская обл., Руднянский р-н, Переволочская с/а, д. Заозерье. Исп.: Буброва Анна Фроловна, 1918 г. р., Титова Зинаида Фёдоровна, 1930 г. р., Конёнкова Любовь Александровна, 1935 г. р., Королёва Мария Даниловна, 1928 г. р. Зап.: Балакшина С. Р., Подрезова С. В., Лескай Д. А. 04.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
22. Архив ФЭЦ СПБГК. ОАФ № 2004-03. Псковская обл., Себежский р-н, Глембочинская вол., д. Горелово. Исп.: Шабловская Ксения Константиновна, 1902 г. р., Шабловская Раиса Григорьевна, 1926 г. р., Половко Елена Петровна, 1927 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 25.07.1986. Расш.: Киселёва Е. В.
23. Архив ФЭЦ СПБГК. ОЦФ № 005/258-047-05. Витебская обл., Лиозненский р-н, Добромысленский с/с, д. Выходцы. Исп.: Ивашнева Мария Васильевна, 1933 г. р., Логвенкова Галина Степановна, 1943 г. р., Морозова Нина Петровна, 1938 г. р., Гусакова Юлия Павловна, 1951 г. р. Зап.: Киселёва Е. В., Мехнецов А. А. 20.10.2009. Расш.: Киселёва Е. В.
24. Архив ФЭЦ СПБГК. ОАФ № 2077-15. Псковская обл., Себежский р-н, Глембочинская вол., д. Горелово. Исп.: Шабловская Ксения Константиновна, 1902 г. р., Шабловская Раиса Григорьевна, 1926 г. р., Половко Елена Петровна, 1927 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 25.07.1986. Расш.: Киселёва Е. В.
25. Архив ФЭЦ СПБГК. ОАФ № 5131-33. Смоленская обл., Руднянский р-н, Чистиковская с/а, д. Заготино. Исп.: Киндеева Мария Кирилловна, 1931 г. р., Кухтикова Юлия Андреевна, 1930 г. р., Борисенкова Галина Григорьевна, 1932 г. р., Козлова Зоя Петровна, 1931 г. р. Зап.: Балакшина С. Р., Подрезова С. В., Лескай Д. А. 15.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
26. Архив ФЭЦ СПБГК. ОАФ № 2002-16. Псковская обл., Себежский р-н, Глембочинская вол., д. Горелово. Исп.: Шабловская Ксения Константиновна, 1902 г. р., Шабловская Раиса Григорьевна, 1926 г. р., Половко Елена Петровна, 1927 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 25.07.1986. Расш.: Киселёва Е. В.
27. Архив ФЭЦ СПБГК. ОАФ № 5125-38. Смоленская обл., Руднянский р-н, Кругловская с/а, д. Могильно. Исп.: Локтеева Мария Васильевна, 1938 г. р. Зап.: Балакшина С. Р., Подрезова С. В., Лескай Д. А. 10.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
28. Архив ФЭЦ СПБГК. ОАФ № 5103-10. Смоленская обл., Руднянский р-н, Первомайская с/а, д. Заборье. Исп.: Захаренкова Екатерина Степановна, 1918 г. р. Зап.: Полякова А. В., Махова Л. П. 08.08.1998. Расш.: Киселёва Е. В.
29. Архив ФЭЦ СПБГК. ОЦФ № 005/258-047-08. Витебская обл., Лиозненский р-н, Добромысленский с/с, д. Выходцы. Исп.: Ивашнева Мария Васильевна, 1933 г. р., Логвенкова Галина Степановна, 1943 г. р., Морозова Нина Петровна, 1938 г. р., Гусакова Юлия Павловна, 1951 г. р. Зап.: Киселёва Е. В., Мехнецов А. А. 20.10.2009. Расш.: Киселёва Е. В.

Цзя Ян

ПОЭТИКА ОБРАЗОВ ПРИРОДЫ В ТРАДИЦИОННОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КИТАЯ

В статье рассматриваются древние и современные китайские музыкальные произведения для традиционных струнных инструментов, связанные с образами природы.

Jia Yan

THE POETICS OF THE NATURE IN THE TRADITIONAL MUSICAL ART OF CHINA

The article considers ancient and modern Chinese musical compositions for traditional stringed musical instruments related to images of nature.

Многие музыкальные произведения, созданные древнекитайскими музыкантами и современными китайскими композиторами, отражают представления о совершенстве природы. Очень часто в названии произведения можно встретить небольшую поэтическую зарисовку, подобную пейзажу.

Особенно ярко в музыкальном искусстве Китая воплотилась тема «цветов и птиц», которая перекликается с изобразительным искусством – с жанром хуа-няо. Музыка для струнных инструментов, особенно та, которая впитала в себя народные мотивы, выросла из народных песен, воспевающих природные образы, включая горы, воду, солнце, луну, цветы, деревья, птиц и животных.

Среди распространённых народных песен для струнных инструментов образы «цветов и птиц» встречаются очень часто. Приведём названия произведений, связанных с образами цветов. Красота орхидеи воспевается в песне для гуциня «Орхидея», написанной в эпоху династии Лян композитором Цюй Мином (494-590 гг.н.э.). Музыка изображает пасторальную сцену цветения изящной орхидеи в удалённой, тихой долине, скрытой от людских глаз. Цветы сливы «эйхуа» воспеваются в таких сочинениях, как «Три строфы для сливы муме», «Цветы сливы в первый месяц года» иначе «Замёрзшая сорока на сливовом дереве», «Бутоны красной сливы», «Цветет слива», «Запев цветущей сливы муме», «Тонкий аромат». Очарование лотоса описано в песнях «Лотос показался из воды», «Ода лотосу», «Розовый лотос», «Записки о лотосе», «Баллада о лотосе». Вторя древнекитайским авторам, современный композитор Хэ Чжаньхао восхищается нежностью цветков жасмина в пьесе «Благоухание жасмина».

Кроме образов цветов, в названиях песен встречаются названия деревьев – «Качающийся на ветру зелёный бамбук», «Свежий ветер играет с бамбуком». А в древней песне для пипы «Эгрет из летящих лепестков» описывается, как в мороз ветер гоняет снежинки, искрящиеся на сосне и кипарисе. Хвойные деревья стоят гордо и нерушимо, подобно скалам, а вокруг них кружатся изящные и воздушные снежинки, подобные диковинным лепесткам. Поэтическое описание падающих листьев можно встретить в песне для гуциня «Танец листьев дерева утун на осеннем ветру» (автор Чжуан Чжэньфэн).